

В царском доме — пир веселый...

ВЕСНОЙ 1748-го ДВОР, КАК БЫЛО ИЗДАВНА ЗАВЕДЕНО, КОЧЕВАЛ ПО ДАЧНЫМ ПРЕДМЕСТЬЯМ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ

Фото Интерпресс

Вернувшись из Царского Села, великокняжеская чета и многочисленный вельможный штат не смогли задержаться в Петербурге: непоседливая — в динамичного отца — государыня обожала и дальние, богомольные, путешествия, и ближние, развлекательные, вояжи. Поэтому в конце мая, накануне праздника Вознесения Господня, поступил неотменяемый приказ: отправляться под Ораниенбаум, в усадьбу Гостилицы, которую лет пять назад монархиня изволила презентовать своему дражайшему фавориту Алексею Разумовскому.

«Вдали от шумного движенья городов...» Руины одного из усадебных зданий XVIII века в Гостилицах.

РЕЧЬ ГОСТЕЙ ХМЕЛЬНА, ШУМНА...

Императрица обладала неплохим вкусом: местность отличалась яркими пейзажными видами. Повсюду были живописно разбросаны озера, протоки, косогоры, перелески. Само имение возле речки Гостилицы славились большим прудом и мелкими зеркальными водоемами, где водилась подаваемая к барскому столу форель. Некогда сия вотчина принадлежала фельдмаршалу Бурхарду Миниху, искусному инженеру и крупному сановнику. Но... После елизаветинского переворота в ноябре 1741-го усадьбу отписали в казну, а чуть позже она стала собственностью обер-егермейстера Алексея Григорьевича Разумовского.

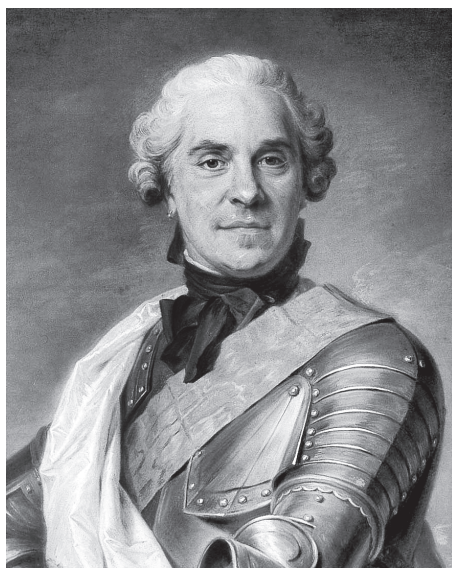
Туда-то, в райские кущи, и устремились резвые дамы и обходительные кавалеры. И щедрый, тороватый хозяин предоставил Кате и Петру Феодоровичу уютный деревянный домик, стоявший на зеленом холме и примыкавший к катальной горке. Августейшая парочка «оккупировала» верх из трех комнат. В одной отдыхали цесаревич и его благоверная, во второй обосновалась камер-фрау Мария Крузе, а третью предназначили для интимных переодеваний великого князя. Доблестное семейство Чоглоковых вкупе с фрейлинами и прислугой разместилось в нижних покоях. Прочие ночевали под пологом уличных палаток.

Алексей Разумовский тяготел к шумным торжествам и обильным застольям. Государыня же захотела пригласить на дачу австрийского посла Иоганна фон Бретлаха, завершавшего миссию в России и возвращавшегося в красавицу Вену. Барон не заставил себя упрашивать: исключительная честь — особенно перед отъездом домой и итоговым докладом в Шёнбрунне — льстила его запредельному самолюбию, тем паче что усадебный маршрут лежал прямо по дороге на родину. Елизавета Петровна, весьма уважавшая дарования герра Бретлаха, повелела устроить ему пышный прием. Не хуже того, что устраивали позапрошлым летом в эстляндском Екатеринентале под Ревелем (Таллином)!

По таковому случаю придворным дамам предписали облачиться в парадную форму, надев на полубюки, подтянутые фижмами (каркасом) из китового уса, короткие розовые юбки. А их, в свою очередь, покрыть еще более короткими казакинами (сшитыми в талию, с рюшками сзади, однобортными платьями на крючках) — обязательно из белой тафты. Да и голову полагалось увенчать белой шляпкой — тоже на тафте, но розового цвета, в тон юбке. Шляпке надлежало быть поднятой с обеих сторон, справа и слева, и опускаться спереди на глаза. Наряженные подобным образом, вспоминала впоследствии Екатерина, прелестные сифиды походили на многолетних обитателей сумасшедшего дома, но перчить священной монаршей воле не осмелились даже шепотом. Гулянье, впрочем, бурлило чуть не до шести утра. Затем барон откланялся, а честная компания, усталая и пресыщенная, забылась мертвым сном...

«Вина, вина — хоть яд оно!» Царь Петр вновь заехал к кому-то в Немецкую слободу. 1690-е годы. Старинная гравюра.

«О, смерть в боях не так страшна...» Граф Мориц Саксонский (1696 — 1750), выдающийся французский стратег XVIII столетия.

МЫ КТО В ЭТОЙ СТАРОЙ ЕВРОПЕ?

На Западе по-прежнему шли боевые действия. Правда, с весны 1748-го война не столько полыхала, сколько тлела, близясь, слава Богу, к своему угасанию. Дрезденский мир в декабре 1745-го вывел из активной игры неутомимого прусского короля: Фридрих II, удовольствовавшись вожделенной Силезской областью, признал законные права благородного габсбургского семейства на имперскую корону. Утихли и баварцы, отказавшись от дерзких притязаний и заключив сепаратный Фюссенский договор с Австрией. На континенте могла бы, кажется, наступить приятная расслабленность. Увы, не тут-то было!

Замирение Пруссии не на шутку разгорячило стратегов из Парижа: Людовик XV тотчас отрядил на подвиги своего блестящего полководца — графа Морица Саксонского. То была личность незаурядного свойства: бастард, авантюрист и бонвиван, приударявший когда-то — не без корысти — за Курляндской герцогиней-вдовушкой Анной Иоанновной, Мориц обладал бесспорными ратными талантами, умел организовать войска и, невзирая на свои физические недуги (мучительную водянку), привести их к победе. Растроганный его успехами «сир» (то есть — высоким штилем! — монарх) возвел графа в почетнейшее звание *marechal general des camps et armees du roi* — «великого маршала гарнизонов и армий короля». Этаким титул в звонкой галльской истории носил лишь удалой рубака XVII столетия Анри де Тюренн.

Граф Мориц не только предводительствовал полками и дивизиями. Он даже теоретизировал, создавая книги наподобие суворовской «Науки побеждать» — например, трактат «Reveries» («Мои мечтания»). Кладезь мыслей! Забыть ли идею о всеобщей воинской повинности вместо вербовки наемников? Призыв к качественному обустройству инженерных «гнезд» на поле брани? Предложение о замене черствящего и плесневеющего хлеба стойкими к непогоде сухарями? Удивляться ли после всего сего, вздохнула Фике, что орлы «великого маршала» крепко поклевали австро-британских героев в той части Нидерландов, которой распоряжались венские Габсбурги? Не стоит! Но это совершенно не входило в расчеты и планы могучей России.

И уже в январе 1748-го 30-тысячный русский корпус под командой князя Василия Репнина двинулся из Прибалтики — напрямик через Польшу и Богемию — к границам Австрийских Нидерландов (сиречь будущей Бельгии). Пехота и конница, однако, до цели не дошли, но по серьезной причине: храбрые д'артаньяны и арамысы поспешили завизировать предварительное перемирие с англичанами и голландцами, пообещав очистить Фландрию, если эти территории не займет армия Елизаветы Петровны. Самодержица, отнюдь не пылавшая желанием погружаться по уши в европейские политические болота, охотно откликнулась на сей почин. Корпус остановили на Рейне, а затем повернули домой. Но дело было сделано, и пока не пролившие ни капли русской крови инфантерия с кавалерией приближались к родным палестинам, под небом западнонемецкого Ахена, что в отрогах Высокого Фенна, истоиво скрипели гусиные перья хитроумных дипломатов: подходила к концу затянувшаяся война за Австрийское наследство.

Я ЗНАЮ: ИСТИНА — В ВИНЕ...

Засыпая, Екатерина почему-то вспоминала о сытном и хмельном банкете в присутствии барона Бретлаха. И сообразила, что такую же — если не похлеще — «отвальную» могли устроить и в разгульные времена дорогого «дедушки».

...В московском доме Франца Лефорта широким потоком текло разнообразнейшее спиртное — от водки до пива. Бутылка и стакан царили на всех пирах и церемониях. Да и как иначе, если даже красотка Анна Монс, чьи чары буквально околдовали юного Петра Алексеевича, происходила из семьи богатого винооторговца Иоганна Монса, уроженца вестфальского Миндена-на-Везере? Чужестранные постояльцы, селившиеся в немецком квартале, грешили, вопреки многим предрассудкам о гастрономической умеренности культурных европейцев, отча-

янной любовью к зеленому змию. Недаром простые москвичи нарекли иноземную зону у реки Язвы Пьяной слободой.

В обществе роптали, будто царя сознательно спаивают — прежде всего наемник Лефорт. Что ж, пили эти двое изрядно и со вкусом. Но — точен историк Николай Молчанов! — именно бравый швейцарец и показывал своему голубокровному господину, как следует падать в объятия Бахуса, не утрачивая разум и чувства. Урок со скрипом шел впрок: позднее, в период знаменитого путешествия Петра по Европе, англиканский епископ Гильберт Бёрнет признавал, что русский венценосец мужественно преодолевает тягу к вину. Боже правый, улыбнулась Катя, ее, бурную, он — в отличие от «преодолённых» им шведов и персов — так и не пересилил...